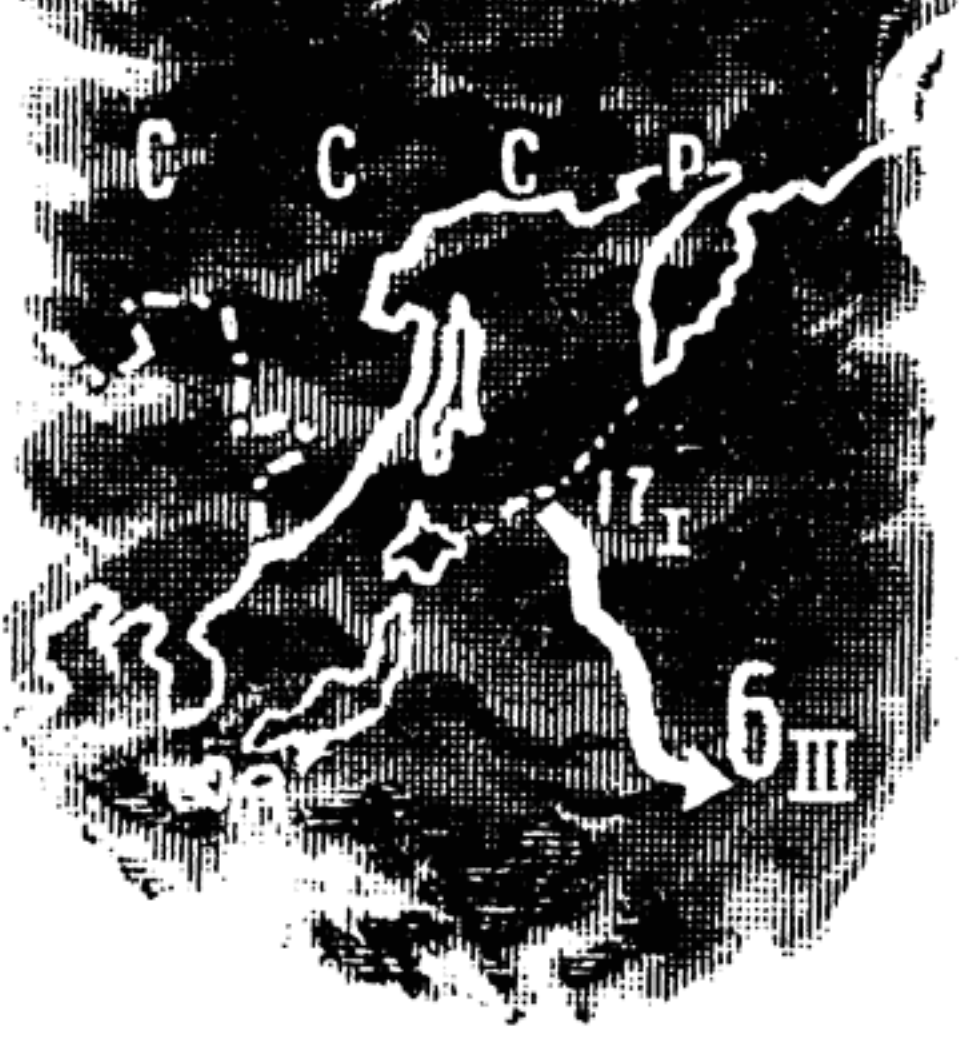

ГОРДИМСЯ И ВОСХИЩАЕМСЯ!

СБАЖЕМ прямо: ни до 17 января, ни после того, как свирепый, не признающий шутки океан унес их далеко от родной земли, они и в самых смелых своих мечтах не могли увидеть нынешний удивительно светлый и праздничный день. Сначала служба, увлекательная для мужественных и сильных людей служба на дальних морских рубежах Родины. Потом — разъяренная стихия, которая часто норовит сломить мужество советских моряков-тихоокеанцев, попробовать его на штурмовой «зубон», старается вселить в их сердца страх перед всепальным, безграничным океаном.

Александр **БОРЩАГОВСКИЙ**

Сначала открытая простая жизнь, учеба, труд, дружба, окрыляющее молодость открытие новых земель и новых — для себя — морей, новых профессий и новых товарищей. А потом открытая — открытая неистовству океана! — простая, но непримиримо-успокоительная жизнь, непрерывная изнуряющая борьба с ураганным ветром, делящая стужей, исполненной волной. И еще более трудная борьба с голодом, с жаждой, с отчаянием, которое можно победить, но которое не может не приходиться среди темной штормовой ночи в грозной пустыне океана. Они любили жизнь и не хотели сдаваться.

И все же, я думаю, в самых светлых мечтах они не видели ни небывалого журналистского «десанта» на палубе авианосца «Кирсардж», ни восторженных лиц жителей Сан-Франциско, ни золотых ключей от этого города, в собственных могилах, иссеянных тросами, потемневших от стужи и воды руках.

Все это свершилось. В какие-то короткие дни они, ведшие один на один мужественную борьбу со штормовым океаном, с новой силой опутали себя не только любимыми сынами советской Родины, но и клеточкой, частью мирного человечества, которое радуется их спасению и преклоняется перед их подвигом. И когда они — скромные, измученные стихией, счастливые спасением — еще рассеянно объясняли журналистам, что нечто особенное не произошло, что «каждый советский солдат на нашем месте сделал бы то же самое», когда им самим еще кажется непривычным и трудноприменимым слово **подвиг** применительно к самим себе, через континенты и океан пришли простые, душевные слова поздравления Н. С. Хрущева, в которых дана сжатая, исчерпывающая формула этого подвига:

«Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких

мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами».

С тех пор как появилась первая телеграмма о четырех отважных советских солдатах, все с волнением ждали дня, когда газеты напечатают их портреты.

И вот они появились на страницах газет: спокойный, сосредоточенный Асхат Зиганшин, в солдатской ушажке со звездой, неторопливый пареня, как свидетельствует корреспондент «Правды», очевидец сан-францисской встречи, мужественный старшина баржи «Т-36» — темноволосый Филипп Поплавский в сбитой набоку пилотке; Анатолий Крючковский — живой и пристальный, словно сошедший со звонкого солдатского плаката; Иван Федотов с умным, чуть насмешливым лицом городского паренка... Четыре советских солдата. Былши тракторист. Былши строителя. Былши слесарь сахарного завода на Украине и былши слесарь-портовик. Былши — потому что все они ушли в армию, и теперь они солдаты. В беле мы думали о Родине, сказал Федотов, и вела себя, как полагает советским солдатам. И то, что все они не только солдаты, но и люди труда, мастера, со спортивными, умелыми руками и изобретательным умом, сыграло немалую роль в их беспримерной борьбе со стихией. Реальный, зримый, кажется, физически осязаемый мир мужества, атмосфера героики и душевности хлынули на нас со страниц газет.

В такие минуты хочется, чтобы каждый читатель — и тот, кто никогда не видел моря, и тот, кто видел только «кроткие» моря или песчаный берег в мягком, ласкающем накале, — хоть немного, хоть отчасти представил бы себе северные широты Тихого океана зимой, в штормовые и даже ураганные дни. Это — стужа, ледяные павири, одевающие суда, слепящие снежные зарпы с короткими интервалами, когда ураганный ветер свирепет с палубных надстроек снег, для того чтобы дать место новому снегу, новому обжигающему зарю. Это

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 34 (4159)

Суббота, 19 марта 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Все в порядке, хлопцы!

стальные тросы, срезанные, как тонкая бечевка, толстые якорные цепи, рвущиеся от напряжения, летящие за борт многочисленные грузы. Это волновые валы, которые перемалывали бы через многоэтажный дом, постоянное движение, сжест, толчки, удары, мучающее стая, сплывающее железо.

Но одно лето океанские суза большого возмущения, превосходной остроты, вооруженные докаторами, залитые светом, сытые, переполненные с материком, и совсем другое — крохотное вспомогательное судно, пятнадцатиметровая померная баржа, с четырьмя человекскими командами. Я только представил себе всю их несообразность, прямо-таки гудиневский контраст, можно понять, какие испытания выпали на долю четырех наших солдат.

Вот почему мне хочется вспомнить сегодня и доктора Бомбара, и других смельчаков, пересекших океаны после тщательной подготовки и преимущественно в южных, близких к тропикам поясах земного шара, и тех советских моряков, чьи подвиги мы уже не раз в прошлом называли беспримерными. В этом нет ни противоречия, ни простого повторения. Оно, это слово, точно определяло подвиг многих героев нашего советского народа, хотя всякий раз этот подвиг был глубоко индивидуален и совершался в неповторимых, своеобразных условиях. Есть, мне думается, эта своеобразность в подвиге четырех.

Невозможно приходить на ум героини-моряхи с транспорта «Черекон», о которых дальневосточник В. Кучерявенко написал повесть «Перекон» ушел на юг, действующие лица талантливой документальной повести И. Кирилленко «Плещут холодные волны» и, наконец, недавние герои моряки с буксирного катера «Ж-257», 82 дня дрейфовавшие в северной части Тихого океана. Славное,

бесмертное племя советских моряков! Теперь — новая страница в этой летописи подвигов и славы. 49 дней невиланной борьбы с силами стихии. Уже можно восстановить главные, узловые этапы этой борьбы, разглядеть этот полный неожиданностей и трагических испытаний трап, по которому двинулись отважные солдаты, но двинулись не вниз, а вверх, хотя на каждой ступени они лишались последней банки консервов, последней картошки, последней пригорни крупы, последней ложки жира, последней капли воды... Если измерять все только физическими усилиями, только простым страданиями плоти, то и тогда можно удивляться выдержке и силе людей. Но речало не это, и не это вызвало возглас изумления у прессы, у очевидцев, у жителей Запада.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести короткий диалог между одним из журналистов и младшим сержантом Зиганшиным:

«Я знаю, — сказал журналист, — что в такой обстановке можно потерять человеческий облик, сойти с ума, превратиться в зверей. У вас, конечно, были сорры, может быть, даже драки из-за последнего куска хлеба, из-за последнего глотка воды?»

«За все 49 дней, — спокойно ответил Зиганшин, — чины экипажа не сказали друг другу ни одного грубого слова. Когда кончалась пресная вода, каждый получал по полкружки в день. И ни один не сделал лишнего глотка. Лишь когда мы отмечали день рождения Анатолия Крючковского, мы предложили ему двойную порцию воды, но он отказался».

В этом уда, — воскликнул журналист, — вы помнили о дне рождения товарища? Это звучит невероятно!..

То, что представляется невероятным, почти неправдоподобным вполне расположено и искренне в своем удивлении журналисту, бесконечно близко и понятно всем нам. Так близко, так понятно, так естественно, что тут словно бы не о тем и говорить. Пусть маленький, но коллектив советских людей, спаянный дружбой, которая только крепла в тяжелых испытаниях, делалась душевно еще более богатой и, я бы сказал, нежной. И твой друг слабее телом, когда уходит его сила, настоящая дружба непременно становится нежной. Люди, пропьющие высоко, осознанным идеалом солдатского воинского долга, как чего-то глубоко внутреннего, неотделимого от их жизни. Они не могли злобствовать, звереть, ожесточаться друг против друга, а если и могли бы сойти с ума, то не в том смысле, какой имел в виду журналист, а просто потому, что есть предел физическим силам человека.

Мы хорошо помним героев рассказа Джека Лондона «Любовь в жизни», которых в час испытания разделило золото и эпозой одного из них. Молодым было составить — по жизни и по литературе — поистине бесконечную летопись нравственных падений, убийств, преступлений, совершенных в исключительных условиях, когда, как говорится, на карту поставлена сама жизнь. Были и другие при-

меры — пусть реже, но они были, — когда люди собственного, досопанистического общества проявляли героизм и самопожертвование во имя ближнего. Если бы этого не было, человечество не поднималось бы вверх, не совершенствовалось бы. И все это, по-своему, в слитке, в самородном алмазе подвига обещало будущее справедливое, честное общество, где дружба, подвиг, духовное единство станут нормой, чертами, естественными, как дыхание. Четверо смельчаков с «Т-36» и есть частица такого нового, советского общества.

Каждый юноша, каждая наша девушка, спросив себя, а как бы ты держалась в этой схватке, — тут же отвечает себе: точно так же, как Зиганшин, Поплавский, Крючковский, Федотов. И это ответ честный, искренний, убежденный. Однако между желанием поступить так же, между нравственной готовностью к этому и подвигом лежит бесконечно трудный путь в 49 дней. Его надо пройти. Надо желание претворить в действие. Нравственную готовность сделать реальностью поступков, борьбы, жертв.

Вылающееся значение их подвига состоит еще и в том, что это подвиг четырех из десятков миллионов людей, воспитанных в том же советском характере, в тех же идеалах коллективизма, братства, коммунистической нравственности.

Невольно думаешь и о другом счастливом знамении времени.

Герои В. Кучерявенко и И. Кирилленко — жертвы войны. Бомбы и торпеды взорвали и сожгли корпуса судов, на которых они плавали. Это страницы истории, которые не должны повториться. Шестеро на катере «Ж-257» не были жертвами войны — их, так же как и баржу «Т-36», унес в океан шторм. Они тоже хотели жить, мечтали о спасении, и вместе с тем мысль о том, что их подобрет чужой корабль, тревожила, смущала их сердца, — ведь именно в эту пору, в разгар Труменовской «холодной войны», шантаржировали и пытали советских моряков на Тайване. Об этом нельзя было не думать.

Но то был год 1954. Теперь 1960-й. Позали огромные усилия сторонников мира, усилия нашей социалистической Родины, и вот поистине достойный восхищения вклад в дело мира и разрядки международной напряженности, который внес своей неутомимой деятельностью Н. С. Хрущев. Вот почему встреча «Т-36» и авианосца «Кирсардж» стала не историческим событием дипломатической перестройки, осложненной и неблороджества, а новым свидетельством растущей дружбы, взаимопонимания и добрососедства.

Можно начать географическую статью словами: «Тихий океан в своей северной части разделяет два материка...» Но можно написать, не погрешив против истины, что он «соединяет» два материка. Для научного сборника это не так уж и важно, разве что помолиться какой-нибудь бедант. Но для народов, для их будущего, для их жизни это не безразлично. Хорошо, чтобы океаны соединяли, а не разъединяли. И четырем советским солдатам выпало на долю большое счастье — не только победить стихию, совершить подвиг, но и стать как бы аккумуляторами растущей дружбы и взаимопонимания, принять на себя тепло хо-

лодски, беспредельную любовь к Родине. Ваш подвиг является примером стойкости и мужества. Ждем вас у себя».

Прибывшие и встречающие направляются в здание аэропорта. Здесь в специальной комнате прессы советских юношей вновь осаждают корреспонденты американских телевизионных компаний, газет, телеграфных агентств. Отвечая на их вопросы, И. Федотов говорит: «До самого последнего момента мы не теряли надежды на спасение. Мы сердечно благодарим членов экипажа американского авианосца «Кирсардж» за оказанную нам помощь. С нетерпением ждем возвращения на Родину».

Беседа окончена. Прибывшие направляются к машинам. Героическую четверку тепло приветствуют американцы, находящиеся в здании аэропорта. Фоторепортеры снова в снова просят участников героического дрейфа дать им возможность сделать снимки. Зиганшин, Федотов, Поплавский и Крючковский и встречающие их отправляются на дачу постоянного представительства СССР при ООН в Гленкове, где герои проведут несколько дней перед возвращением на Родину.

Представитель ученого мира Америки продолжает высоко оценивать о беспримерном дрейфе советских воинов в Тихом океане. Видный океанограф д-р Уоррен Вустер, связанный в настоящее время с институтом океанографии Скриппса при Калифорнийском университете в Ла-Холье (Калифорния), в своем заявлении корреспонденту ТАСС выразил восхищение мужеством советских героев. Он сообщил, что знаком с районом, в котором дрейфовали советские солдаты, и знает, что это «довольно неприятная часть океана, особенно в феврале».

Поразительно, сказал он, что советские герои «смогли выдержать все трудности. Их подвиг является прекрасным проявлением выносливости человека».

роших, добрых чувств миллионов людей по обе стороны океана.

Как-то в одном из разбоков клубов Швеции я увидел любопытное определение оптимиста и pessimista:

«Оптимист тот, кто в любых трудностях видит достойное для себя дело. Pessimist тот, кто в любом деле видит для себя только трудность».

Четверо советских солдат — мужественные, бесстрашные юноши — оказались подлинными оптимистами. Они отлично выражают своим подвигом черты нашего времени, эпохи коммунистического дела, смело преодолевающего все неизбежные трудности.

Они — настоящие сыновья века, и хочется к тексту спокойной радиогаммы, которую они послали в эфир, пока их слышал берег, послать из възлюбленного штормового океана: «Все в порядке!» — добавить только одно слово: «Все в порядке, хлопцы!»

Все в порядке, в счастливое время вы вышли в свое большое житейское плавание.

Все в порядке!

ДРУЖБА СИЛЬНЕЙ ОКЕАНА

Словно вольный весенний ветер, весь мир облетела весть о героизме четырех наших воинов, простых советских юношей Зиганшина, Крючковского, Поплавского и Федотова. Эти хорошие ребята и не думали о том, что их имена заполнят страницы сотен газет, зазвучат в эфире над всей планетой. Они скромно и честно исполняли долг армейской службы там, куда их послала Родина, — на далеких Курилах. Гладя на холодные океанские волны, они и не мечтали стать дерзкими «морскими волками».

Зиганшину, наверное, вспоминалось родное Завольжье, а Крючковскому снились белые вишневые сады на Виннищине и моря — но не с холодными волнами, а с золотыми перекатами украинских степей.

Незаметно шторм выбросил их маленькую баржу в океан. Об этом океане один мой земляк, прильнувший из Одессы в порт Находка, высказался так:

«Шо Великий, то великий, а шо Тихий... то хай би його чорти забрали... И вот с четырьмя ребятами на борту, без запасов пищи и воды понеслась неуправляемая баржа в Великий и Тихий штормовый океан».

Бывалые люди говорят, что в таких трагических случаях моряки, даже располагая пищей и водой, сойдут с ума, выпадают в отчаяние и погибают. Но наши отважные хлопцы приняли вызов Великого океана, противопоставили его могучей стихии свою волю, веру, неразрывную дружбу, страсть к жизни, любовь к советской Родине — и вышли победителями.

Сорок девять дней продолжался этот неравный бой, сорок девять дней холода, голода, и казалось бы, полной безнадежности... Но четверка героев не сдалась. Из ала ураганной стихии солдаты своей Родины снова возвращаются в строй.

Когда их спросили: что помогло вам одержать эту сказочную победу? — они ответили: крепкая дружба.

Да, очевидно, крепкая дружба советских людей способна преодолеть все. Эта дружба, дружба людей, дружба народов, была душой великих побед в революции, в гражданской войне, в Великой Отечественной войне, во всех победах социализма. Эта дружба решила победу четверых героев над силами стихии.

Слава вам, светлые молодые герои, верные друзья!

Платон **ВОРОНЬКО**

КНЕВ

Солдаты человечества

Альберт **КАН**, американский писатель

МОСТ «Золотые ворота» парит над подобием гигантской металлической птицы над сверкающим заломом. Он соединяет окаймленные песчаные скалистые берега Марина с мерцающим, как драгоценный камень, красавцем Сан-Франциско. В непрерывном полете сквозят знойные лучи солнца и плывущие туманы его захватывающая дух арка воспринимается, как символ одного из чудес света и величия человека. Прошло уже много времени. Прошло уже много лет. И все же, Идея ли за все это время его символика более глубокого значения, чем в тот момент, когда под его величественными сводами прошел авианосец США «Кирсардж» с четырьмя советскими солдатами: Зиганшиным, Крючковским, Поплавским и Федотовым на борту? И тогда в самом деле мост стал вечной Триумфальной аркой, славящей победу человека; тогда его огромные стальные тросы представляли собой лавровый венок, надобие тех, что возлагали древние на головы повтов и героев.

Во всех уголках мира уже написаны и произнесены миллионы слов о четырех молодых советских героях; бесчисленные миллионы слов будут еще произнесены в грядущие десятиле-

тия. Подвиг четырех молодых людей пленя воображение человечества и стал частью драгоценного наследия всех людей. Иногда в жизни человека наступают моменты, в которых сосредоточивается все значение, весь смысл, все благородство его натур. Такой момент наступил сейчас.

Почему это так? Что именно в подвиге четырех молодых советских граждан пленяло воображение народов всего мира и наполняло бесчисленные сердца торжествующей гордостью? Небывалое мужество? Да, отчасти и это. Теперь перед нашим мысленным взором встает образ крохотного суденышка, микроскопического пятнышка на бескрайних просторах Тихого океана. Мы видим, как его швыряют в разные стороны гигантские ледяные волны. День проходит за днем, неделя за неделей — вода и небо, небо и вода... А на маленькой барже четыре парня делают крошками хлеба и глотками воды, мастерят блинчики из консервных банок и асу из расплетенной веревки, читают друг другу вслух. Они говорят шепотом по мере того, как силы их убывают. Они едят козу своих сапог...

Ни на мгновение не забывают они дружбу, не теряют способности шутить, не расстаются с надеждой, твердо верят,

как выразился один из них, что «мы слишком молоды, чтобы легко сдать». Да, конечно, их эпическое мужество потрясло мир. Но значение этого подвига неизмеримо больше. Своими неуказанными, ни на мгновение не ослабевшими усилиями эти молодые люди символизировали многовековую борьбу человека за жизнь, полноту смысла. Рука помощи, протянутая американскими моряками, символизировала дружбу между народами. В отношениях друг с другом четверо парней являли вдохновляющий пример братства. В их необычайной находчивости проявились безграничные творческие возможности человека. Они не только солдаты Советской Армии, эти четыре парня. Они также — солдаты человечества.

Следует, конечно, сказать, что они представляют собой особый тип человека. Независимо в ответ на вопрос, что произошло на метал наибольшее впечатление во время первой поездки в Советский Союз, я написал, что такие чудеса, как семилетний план, многообразные проявления народной культуры, необыкновенные научные и промышленные достижения, — это еще не самое потрясающее, хотя и производит глубоко впечатление. Больше всего меня поразило тот факт, что советское общество создало новый тип человека. По своей любви к жизни, силе и мягкости, по своей стойкости и любви друг к другу, по отваге и скромности, по способности коллективно трудиться и преодоле-

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

- ★ Родина благодарит отважных.
- ★ К визиту Н. С. Хрущева во Францию. Статья А. Вюрнсера.
- ★ 65-летие Максима Рыльского.
- ★ Ю. Герман: «Каждый обязан всеми силами помогать споткнувшемуся».
- ★ На звание чемпиона мира.
- ★ Обнаружены неизвестные письма Чехова.
- ★ Отрывок из новой пьесы Николая Подогина.

В ЦК КПСС и Совете Министров СССР

ЦК КПСС и Совет Министров СССР установили, что Ленинские премии, наряду с научными работами, изобретениями, произведениями литературы и искусства, присуждаются также за выдающиеся работы в области журналистики и публицистики.

Советский военно-морской атташе в США контр-адмирал Б. Д. Яшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский, А. Зиганшин, И. Федотов в нью-йоркском аэропорту.

Не верьте Коркушко!

Солнце восходит! Начинается день, обычный день Советской страны. Вот встречает восход солнца Василий Ягловский — бригадир пастухов-оленеводов колхоза «Тридевятка». Он смеется оленей. Таежную тишину, безмолвие снежного края нарушает дробный перестук копыт — пасущиеся оленя хозяйка оленя спешат на его зов.

На нижнем фото — Ефрем Пилыргим. Это олень юный оленевод. Ему всего лишь пять лет. Но он уже сам запрягает оленя и, сядя по его степенному виду, это для него привычно. Да и сам олень, сразу видно, признает его своим хозяином. Быть Ефрему пастухом, таким, как Василий Ягловский, замечательный мастер оленеводства. Такие люди, как этот колхозный бригадир, слава и гордость Якутии. Есть у кого учиться юному оленеводу!

Фото А. Лидова

Владимир СОСЮРА

Полвека поэтического творчества

Под гром орудий гражданской войны, когда в золотой ржи Украины вставали гигантские черные столбы земли, побитой взрывами, я впервые познакомился с нежной лирикой Максима Рыльского. И времена она в мой душе громче орудий, бьющих раскаленным металлом по членам бойцов, которые сражались за счастье народа.

Вот и сейчас звучат во мне эти строки: Яблуда дошла, яблуда червон! Ми з тобою йдемо стежкою в сазу. Ти мене, кохана, проведеш до поля; Я плачу — і, може, більше не прийду.

А особенно: Попілуї встаніє, обірни востачіє. Вміє розставіти той, хто вмів любити.

Почему же так возлюбил меня это стихотворение? Потому, что оно человеческое. А мы сражались за все человеческое.

Когда отрезали фронты и мы сменяли вытковые на станки, плаги рейсферы и перья, я с любезностью познакомился с чудесной, мудрой и нежной лирикой Рыльского и навсегда полюбил его как поэта и человека.

Еще я люблю Рыльского как переводчика.

Максим РЫЛЬСКИЙ

ИЗ ЦИКЛА «РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО»

Вчера смотрел я на озеленение Южный Крест. И в нем ничего не увидел, — астрономические завязались споры. Я в них участвовал довольно робко (Хоть о Галактике пробормотал нечто невнятное), — и только сердце

При мысли о гигантских расстояниях, С такою легкостью преодоленных нами...

И вспоминалось, что мой отец когда-то, Коль выезжал в село Кривое в гости К Юркевичу, — за двадцать километров,

А может, верст, — то в Белках остановку корчмаря.

Он делал, там знакомый был корчмаря.

Ведь следовало коням понапастись, А путешественникам попутить по чарке

И шуккой закунуть, той самой шуккой. Что мастерски готовила хозяйка.

А что, коль молодая стюардесса, Которая радушно угощала (Нас сандвичами легкими, портьенном Питанье входит в плату за билет, Как вообще все здесь на самолете, Включая и улыбку стюардесс), — Что, коль она — ну, правнучка,

Давно сгорченного Юдки — корчмаря? Ведь это все не так уж невозможно!

Над океаном стабильн не найти, И океана самого не видно С таких высот, лишь только горы туч, То снежных, то седых или лазурных, И вообще — дети себе, дети, Пока светлячился буквы «no smoking» И «приключенья» — не извещает, что мы

В каком-то месте скоро приземлимся.

Отец мой даже слов таких не знал, Как стюардесса, а прогулка в небе Ему во сне бы даже не приснилась, Хотя Жюль Верн все же он читал.

Но вовсе не об этом речь идет. Разглядывал я Крест вот этот Южный,

• Не курить (англ.)

Он пришел ко мне утром...

«...по делу, не терпящему отлагательства...» — как выразился он по телефону.

Розовый с холоду, бодрый, оживленный, он энергично снял добротную, хорошо сшитую шубу на хорьках, аккуратно повесил боярскую шапку с бобрим и бархатом и представился:

— Коркушко. А садясь, осведомился: — Значит, пишем? Творим, так сказать?

— Так вот... в некотором роде... — С жизнью связаны?

Смотрел Коркушко строго и, видимо, торопился.

— Здесь! — он погладил аккуратной ладонью хорошей кожи портфель.

— Здесь имеется переклассный материал. Если возьмется оформить и подадите в печать от своего имени, многим будет приятно. Многим будет полезно и во времени, знаете ли. Поскольку намечается такая тенденция в отношении взгляда на поруки и товарищеских судов...

— Какая тенденция? — поинтересовался я.

— В сторону что ли некоего, имеющего место перебора. Уже кое-что совершенно справедливо высказывалось в смысле разумной осторожности. И материал мой...

Он потез в портфель.

— Подождите! — попросил я. — Вы сами свой материал куда-либо давали?

— Мне, видите ли, неудобно.

— Отчего так?

— Но мне отношение заранее предвзятое и несправедливое. Один сигнал мой, поданный много лет тому назад в некоторые органы, оказался неточным, и с тех пор мне не доверяют... Позвольте, я вам накоротке доложу суть дела, и вы, конечно, заинтересуетесь...

— Я нынче занят...

Но Коркушко не посчитался с моей занятостью. Быстрым говороком он пожеловало, что отдадут нынче на поруки с легкостью, которая есть не что иное, как бюрократизм, отдадут, только бы поставить «птичку», нисколько не считаясь, что «за птичку может находиться преступник, опасный для нашего светлого общества».

— Не на поруки его нужно брать, — говорил Коркушко, — а гноить в тюрьме пожизненно, чтобы не мешал нам в нашем строительстве. О нем, о негодяе, родная мамочка должна позабыть, и ей административно должны запретить всякие хлопоты, чтобы этот выродок не стоял на пути наших достижений. Человек, о котором я вам рассказываю, мне с детства известен. Наблюдая в свое время его шумные игры и хулиганские выкрики, я утверждал — растет бандит. С рыбакли и на рыбалку шестуевт весь расхристанный, меня, человека, у которого он квартирует, никогда не поприветствует...

— А вы съедаете квартиры? — поинтересовался я.

— У меня дачка.

— Значит, этот самый, как вы говорите, «бандит» — не квартирант у вас, а дачник?

— Не совсем. Дачка моя зимняя.

— Значит, живет он у вас только зимой?

— Нет, почему же. И зимой, и летом. Его мать меня умолила...

— И больше у вас никто не живет?

— Еще один товарищ живет, по дружбе, так сказать...

— Огородик у вас, садик, хозяйство?

Мои вопросы Коркушко не нравились.

— Это все не имеет значения, — сказал он. — Ваше дело воспользоваться моим материалом для нашей родной печати или не воспользоваться. Если факты вы берете, то точный материал, мною изложенный в хронологическом порядке, я вам оставлю. Нет — разойдемся. И так — продолжая. Фамелия Сомина. На поверку — бандит за рулем. Недавно обнаружен весь в крови, грузчик под откосом, разбит. Сомина — пьян в стельку. Хорошо еще, что никто не убит. Простите, взять на поруки, следовательно акт драмы — убьет своим автомобилем ребенка. Но его берут на поруки. И против этого искривления нашей линии я борюсь. Против этого оковитирательства и направлен мой материал. Но, предупреждаю, нужно крепко ударить. Беретесь?

— Нет.

— Почему же?

— Не могу вам точно объяснить, — сказал я. — Но не берусь. Что-то душа не лежит.

— Душа? — усмехнулся Коркушко, вставая. — Советский писатель, а мистик разводит! Плохо с вами проводит воспитательскую работу!

Я молча ждал, пока Коркушко оденется.

В дверях мой гость сказал:

— В преступлении, которое совершит Сомина, взятый на поруки, будете виновны и вы. Я позабочусь о том, чтобы напомнить, как общественность в моем лице обращалась к вам и встретила стечу холодного равнодушия. Но я — предупреждал!

Аккуратный Коркушко ушел.

«Предупреждал, говорил, обращался».

Да, бывает, что срываются и люди, взятые на поруки. Но известно ли нам подробно, какую жизнь они прожили, до каких низов опустились, кто, как и где формировал их нравственные начала, откуда узнали они, что плохо и что

хорошо? Отчего во второй раз сорвался человек?

Как тянули, как помогали, как растили его поручители?

Или ограничились одним-только юридическим оформлением поручительства?

А с человеком, споткнувшимся в жизни, трудновато порою приходится. Это характеры не легкие, с такими, разумеется, научаешься. Но огромных масштабов общесоциальное дело, успешно поднятое Советским Союзом, — не легкое дело. Тут душевными беседами не отделаешься, и аккредитованным людям с чиновничьим складом души браться за поручительство не следует. Не разберешься им будет, что к чему.

Хорошо помню — не разрешили мне дружить с нехорошим мальчиком Толей Волковым. Толя говорил слова, которые действительно не следует говорить хорошим детям. Толя свистел в два пальца, как разбойник, и, по слухам, даже съел поджаренную на костре лягушку. И учился Толя плохо. Я тоже учился плохо, и почему-то считалось, что на меня дурно влияет именно Толя...

Зато очень поощрялся мой друг ба с аккуратным отличником Колей, назовем его Захаровым. Коля был очень вежливый мальчик, хорошо шаркал ножкой, спрашивал у всех родителей про их здоровье и рассказывал про свое.

Однажды я провалился под лед. Коля Захаров видел, что я вот-вот утону, и убежал, чтобы не отвечать за то, как я утонул. А выгнанный из нашей школы за действительно дурной поступок Толя Волков на животе, ящерницей полз ко мне, выволочил меня, сказал фразу, которую не следует говорить хорошим мальчикам, высморкался в два пальца, чего тоже не делают отличники, и исчез...

И никто не поверил, что спас меня плохой мальчик Толя. Все почему-то считали, что он выполнял только техническую сторону дела, а руководил хорошим Колей. Коля, разумеется, поставил, чтобы никто не узнал, как он исчез, а Толе было все равно, что спас.

Коля жив и здоров. Я видел его в Москве, он сидел на бульваре, дышал воздухом, листал журнал «Крокодил». Про Толю он вылезал в том смысле, что тот погиб неудачником.

— Это как? — не понял я.

— Да в войну! Что-то там разминался и на чем-то подорвался. Глупая смерть...

Мне стало тошно, и видеть воспитанного Колю больше не хотелось.

То, что я рассказывал, наверное, в высшей степени неподдающему, но с этим последним вопросом вообще не все ясно.

Известно, что за рубежом в буржуазных учебных заведениях существуют педагоги, которые считают дочуника ребенка образцом будущего гражданина.

Надо ли говорить, как глубоко чужды нам эти «педагогические» теории. Однако нет-нет, а формализм в воспитании дает себя знать.

В сложных жизненных переплетках пай-мальчишки, энергично популяризируемые Детизмом, «не срабатывают», случается. А из бяк-шалунов иногда вырастают подлинными героями. Кстати, в жизнеописаниях крупных людей мы зачастую очень «завышаем» их детство. Имеет ли это смысл?

Живет в Москве комиссар милиции в отставке Иван Васильевич Будонов — человек весьма примечательного ума и наблюдательности. В его лексиконе слова «парень ершистый» означают похвалу. С такими «ершистыми» людьми он всю свою жизнь имел дело, и не один из них благодарен «сынишке» Будонову за то, что стал человеком. Вот один из многочисленных примеров.

Помню, в тридцатые годы повел меня Будонов к заместителю директора одного из крупных заводов, человеку одаренному, кончившему Промакадемию. Хорошо помню отличную, веселую семью, мир в доме, платику, радужную, ласковую хозяйку, старого, с бровями вразлет красавца хозяина.

Отужились, поговорили.

На обратном пути Иван Васильевич, взяв с меня слово забыть до времени о

нынешнем нашем разговоре, осведомился:

— Понравилось в гостях?

— Очень.

— А я ершистый был паренек — замдиректора нынешний.

— Вы его давно знаете?

— Большой в прошлом вор! Попил он из меня кровушки, пока в люди вылезал.

И рассказал, какую он — Иван Васильевич — сделал ставку на этого человека, как он сражался за него с ним же самим, какие неприятности были из-за этого «крестника» с его срывами, как казенные души всячески пытались убедить Ивана Васильевича в том, что ничего и никогда у него не получится с его «подшефным».

Но «получилось».

Через несколько лет я узнал продолжение этой истории. В дни Великой Отечественной войны «подшефный» Ивана Васильевича командовал танковым соединением и имел звание подполковника. Под Кеинсбергом Александр Семенович Вершов погиб, сгорел в танке. Погиб он, защищая Родину-мать, ту Родину, которую возвратил ему — воюющему безпризорному, вору — старому коммунист-чекист Будонов, поверив в Вершова, отдав ему часть своей души, внушив ему те понятия о смысле и красоте человеческой жизни, которыми обладал он.

Рылые, ленивые, вялые поручители, конечно, не в состоянии проделать ту титаническую работу, которую проделал Иван Васильевич Будонов, а входя во все перипетии сложной душевной жизни вышедшего Вершова, который еще не вернул себе свою настоящую фамилию, а звался то Бандурой, то Бровачком, то еще семью кличками. Поручительство — это работа, труд, деятельность, а не роспись с занятием на бумаге, и здесь необходим совет человека или людей, опытных в человековедении. А разве мало у нас опытных в этой науке людей? Мало оставшихся офицеров и политработников нашей армии, умевших в «дыму сражений» найти, что называется, «подход» к человеческой душе? И одаренный адвокат, и опытный работник прокуратуры, и старый учитель — все, кто обладает даром умения вести сердечную беседу, кто не оперирует только прописными истинами, а понимает, что люди разные и подход к ним должен быть разным, — все могут и должны помочь и, конечно, не откажут в помощи деятельным поручителям.

Если коллектив людей поручается за провинившегося человека, то ему, коллективу, должно быть хорошо известно, что провинившийся — не зайчик-вегетарианец. Весьма вероятно, с ним будет не легко, с этим провинившимся. И поэтому все члены коллектива, каждый порознь, должны действовать еще и индивидуально. Отлично эту мысль выразил один из работников Ленинградского управления милиции Герой Советского Союза Иван Владимирович Соловьев, выговаривая поручителю из «рабочарованных»:

— Ах, вы не удовлетворены? Нет, так не выйдет, дорогой товарищ! Поручились, позвоните его вечером в гости — он же одинокий, а великим писателем сказано: «Надо же человеку куда-то пойти!» В кино пригласите его. Не забудьте его, ежели у вас в доме семейный праздник, на рыбалку прихватите, тогда и будет гвардейский порядок...

Верные слова!

Поручитель должен стать тому, за которого он поручился, тем всегда необходимым другом и советником, каким был Будонов своему Вершову. Как-то тот позвонил Ивану Васильевичу домой после двух часов ночи и сказал примерно такую сердитую фразу:

— Гражданин начальник, где это вы пропадаете, что я вас весь вечер найти не могу! Прошу разъяснить: имею я право жениться на хорошей девушке из трудящейся семьи при моем кошмарном прошлом, и можете ли вы за меня поручиться, что я с моей нервностью больше не упаду на дно?

— Профессия у тебя была нервная, — разъяснил не без юмора Будонов. — И охранный труда никакой. Теперь про это забудь, человек ты приличный, тонкий, и еще делай: я тебе не «гражданин начальник», а пожизненно Иван Васильевич.

Про полковника милиции в отставке, проживающего в Ленинграде Виктора Павловича Бычкова, мне рассказывали, что много лет тому назад он привел в свою семью «на временное проживание» трудного гостя, в свое время обремененного судьбой человека, скативше-

гося к преступлениям. И человек этот оторвался душой в семье сыщика, который его полюбил и арестовал. Жизнь «споткнувшегося» открылась ему теперь не с черного хода, он поверил в людей, в справедливость, в возможность собственного нравственного возрождения.

Полковник Бычков совершенно не был повинен в той тяжелой обиде, которая поломала семью его старого «жильца». Но коммунист Бычков взял на себя ответственность за последствия горького недоразумения, проявившегося в нашем обществе, и тем самым выправил путь человеку, который мог сорваться куда тяжелее, чем уже сорвался. Вот эта личная ответственность каждого в коллективе и есть, как мне кажется, самое главное в поручительстве.

Пусть же не пугают нас частности в прекрасном деле возвращения человека обществу. Не имеем мы права пугаться. Жизнь — сложная штука, и яблечкой на людей этикетки не делаются. Но все отличники непременно впоследствии становятся отличными гражданами, и не все хорошие мальчики непременно становятся преступниками. Кстати, вернемся к удостоившему меня своим посещением Коркушко. Историю с шофером Соминым я проверил у знакомого майора милиции. Историю поучительная: Святюгор Сомина действительно был пьян, но только не за рулем. Встречная машина, шедшая по осевой линии шоссе, ослепила фары Сомина, он свернул и слетел с откоса. Произошло это вечером, в сильный мороз. Ночью Сомина очнулся и пополз наверх, на шоссе. Но вспомнил, что в кузове ценный казенный груз. Сознание его опять замутилось, он зарылся в снег и добывал до рассвета, возле груза. Утром серая «Победа» остановилась на шоссе, и неизвестный человек попытался вытащить Сомина и оказать ему послынную помощь. Сомина не пожелал оставить казенное имущество и лишь попросил прислать за ним товарища по гаражу и кран, чтобы вытащить грузики. Человек из «Победы» оставил Святюгору ватник, блуточку, сосиску и налил кружку водки. Естественно, Сомина разобрало от этой кружки. Номера «Победы» он, понятно, не запомнил, не запомнил его и товарища по работе. Началось следствие, и тут встал некто Коркушко, уверяя, что его жильцу, который, кстати сказать, не раз публично возмущался спекулянтским размахом дачевладельца Коркушко, нельзя верить, потому что Святюгор — с детства неаккуратный, плохой мальчик. Товарищу Святюгору заявили Коркушко, что если суд и осудит Сомина, то они вывозят его на поруки, а машину во внеурочное время отстранируют. Суд не состоялся. Дело было прекращено, так как водитель серой «Победы» сообразил, какую медвежью услугу он оказал Святюгору кружкой водки. Водитель «Победы» заехал (не пропадать же ватнику!), но пожелал остаться неизвестным, потому что путевка его не была «оформлена» на этот маршрут, да и то, что он угостил Святюгору «московской», могло, по его словам, оказаться «ложновосприимчивым».

Так-то, гражданин Коркушко!

Видите, сколько хороших людей вы хотели обогатить, чтобы свести счеты со Святюгором Соминым, и во имя чего? Во имя страха за вашу собственность!

Вера в человека товарищей Сомина победила. Их поручительство не состоялось, но они были готовы к нему, потому что знали: Святюгор не мог совершить преступление, он мог только ошибиться. Парень он, конечно, ершистый, трудновато бывает с ним, но честный. Замерзая, а имущество казенное не кинул.

Не просто тут все. Конечно, хорошо, когда в одном человеке соединяются и благовоспитанность, и широта сердца. Но ведь в жизни, как говорится, бывают еще и «неувязки».

Кстати, многим из нас известны случаи, когда мы сами повинны в бедах споткнувшихся, потому что, имея многие возможности, ленимся вовремя делом помочь тому или иному человеку, считая почему-то такого рода работу чуждо-чуждым благоутробностью.

Каждый из нас обязан всеми силами помогать споткнувшемуся человеку.

И примером всем пусть будет Никита Сергеевич Хрущев, нашедший возможным среди грандиозного обилия государственных дел заняться судьбой споткнувшегося человека не только лично, но и подна? На эту деятельность энергии всего нашего многомиллионного Советского Союза.

С Т А Р Т

Представьте себе, что все советские шахматисты — а их миллионы — были бы приглашены на пабсидит по одному-единственному вопросу: кто к кем должен играть матч на мировое первенство?

Можно сказать с уверенностью, что 99,9 процента от общего числа голосующих выскажутся бы единодушно: играть матч должны Ботвинник и Таля.

Ботвинник и Таля! И никто другой!

В чем же тогда контраст Таля? Могут ли вообще быть на свете силы, дающие надежду на успех в единоборстве с Ботвинником?

Да, у Таля есть такой шанс, и называется он очень просто — талантом. Как много сложных понятий скрывается за этим словом! Здесь и феноменальная интуиция Таля, и его невероятно далекий расчет, и безграничная находчивость, и величайшая кавалитация бояца. Он будет стараться завлечь чемпиона мира в джунгли необозримых осложнений и заставить его считать, считать без конца...

Если это ему удастся, задача будет исполнена. Однако за доской Таля хладнокровно разоблачил в положении и нескольких сильнейших ударами форсировал победу.

С точки зрения творческой, смелости чемпиона мира можно только восхищаться: с точки зрения чистого спортивного, выбор дебюта в первой партии

тот же самый быстро: уже на 32-м ходу чемпион мира остановился на позиционном нюансе.

Я оказался плохим прологом. Возможно. Я не угадал одного: что Ботвинник с такой яростью начнет играть на выигрыш черными в первой же партии матча. У Таля есть дурная привычка — он часто проигрывает в первом туре. Видимо, чемпион мира решил использовать этот момент. Играя черными, он отважно избрал вариант, ведущий к чрезвычайно острой игре. Материальное равновесие в нем нарушается с первых ходов, начинается необозримо запутанная, сложнейшая игра.

Так случилось и в первой партии: Ботвинник пожертвовал две пешки за атаку, стремясь побить Таля его же оружием. На доске заветералась невероятная карусель, и создатель ее сам оказался в цейтноте. Чтобы найти перепорочичную прогрессива черных, нужны недели (а может быть, и годы!) детального анализа.

Таля хладнокровно разоблачил в положении и нескольких сильнейших ударами форсировал победу.

С точки зрения творческой, смелости чемпиона мира можно только восхищаться: с точки зрения чистого спортивного, выбор дебюта в первой партии

Мне думается, был бы стремиться к замкнутой, маневренной игре, построенной на позиционных нюансах.

Ботвинник обманул мои ожидания и добровольно ринулся в запутаннейшую тактическую борьбу. Он проиграл, но зрители выиграли. Однако если в дальнейшем чемпином мира будет продолжать ставить партии так азартно и безрасудно смело, как первую, позволявший ему будет трудно: в головоломой, тактической борьбе Таля ему не переиграть.

Вторую партию матча чемпиона мира играл чрезвычайно осторожно. После может, даже чересчур... Быть споконно разгранного дебюта более сохранил небольшой перевес в пространстве и умело увеличил его. Затем Ботвинник отклонил предложение Таля не играть более энергично, Ботвинник несколько замешкался, и Таля мгновенно уравнивал шансы. На сорок пятом ходу противники согласились на ничью.

Впереди третья партия. Первый ход Таля сомнений не вызывает, но как ответит Ботвинник? Повторится французская защита, или потерпев поражение в первой партии, чемпион мира предпочтет менее рискованную? Подождем до вечера...

Евг. ЗАГОРЯНСКИЙ

ОТЛИЧНАЯ ПРЕМЬЕРА!

Какой накал и взрыв страстей! Отличная премьера! Для драматургов наших дней Нет лучшего примера. Н. РАЗГОВОРОВ

То тишина — весь зал затих, — То гул тревожный в зале... Давно конфликтов мы таких На сцене не видели.

Господин ХРУЩЕВ, СЛЕДУЙТЕ ЗА ГИДОМ ПО СТРАНЕ, где каждый уличный мальчишка — двоюродный брат Гавроша

Андре ВЮРМСЕР

поможет людям измерить расстояние, уже пройденное по пути к миру. Это в высшей степени полезный визит!

Мы двинулись дальше. У Триумфальной арки гость возложил венки на плиту, где горит вечное пламя. Вдруг плита поднялась, и из-под нее вылезли один на миллионы семсот тысяч французов, убитых в первую мировую войну. На нем была голубая шинель и каска. Он не держал в руках ленточки с текстом официальной речи. «Наконец-то вы пришли!» — сказал он. — Давно пора! В мое время мало кто понимал, почему возникают войны. Теперь гаки людей много... Люди только хотели, чтобы больше не было войн. Говорили: «Война — война!». Повторяли: «Никогда больше!». И эти же чашки выразил Ленин в Октябре. То же говорит сегодня и вы.

До чего же разъярились бы ребята, если бы им сказали, что Германия будет перевооружена соотечественниками Першинга, соотечественниками Клемансо! По мне так, кто вооружил Германию, моему сыну пришлось драться в маки. А у меня над головой раздался топот нацистских сапог... Но вот, наконец, вы здесь. Спасибо, что приехали! Благодаря вам от имени всех, кто умер, от имени всех, кто был может, останется в живых!»

А вот Мон-Валерен. На этом холме, у стен этой крепости, были расстреляны французы, которых нацисты не сумели подкупить, которых не сломили пытки. Многие из них были коммунистами. Войдем в этот узкий зал. В ночь перед казнью эти герои и мученики оставили на стене свое последнее послание. Читайте: «Да здравствует Франция! Да здравствует СССР!» Теперь как видите, эта священная надпись защищена стеклом... Они погибли за мир и за свою родину, за дружбу между нашими народами. Мы оба глубоко взволнованы, господин Председатель, и кажется, сама кровь, что пропитала эту землю, говорит: «Товарищ... дорогой товарищ!»

Но вернемся в Париж. Вот здание городской ратуши. Мне известно, что жители этого квартала провели сбор денег, чтобы преподнести вам старинные естампы, изображающие эту площадь, которая была и остается сердцем Парижа. Именно здесь, в обстановке всенародного ликования, была провозглашена Коммуна, здесь заседал ее совет. Если посмотреть на большинство членов нашего муниципального совета, то человек поверхностный мог бы воскликнуть вслед за Расином: «Как золото могло презренным стать свинцом?». — как могло случиться, что этот очаг четырех революций превратился в оплот реакции? Дело в том, господин Председатель, и вы это, конечно, сами знаете, что развитие промышленности привело к тому, что парижский пролетариат оказался на старинных пригорках. Но вслушайтесь в гул этой толпы, которая так восторженно выражает вам свою радость. Будет ли парижане или «пригородники», но именно они — подлинный народ, тот, что грядущий и борется, тот, что строит и никогда не отступает, тот, что создает богатства сегодняшнего дня и творит будущее...

А вот и Опера, где для вас исполнят «Кармен» (в последний раз я слушал «Кармен» в Ленинграде). Там вы увидите вечерние костюмы, платья со шлейфами, жемчужные кольца... Но только та толпа, которая будет ждать вас у входа в театр и шумно приветство-

вать на улице после окончания спектакля. — это и есть Париж!

Следуйте за гидом, господин Председатель, следуйте за гидом! Видите — над рекой навис замок Шенонсо. Вот королевские резиденции Амбуаз и Шанбор. Доверительно сообщу вам, что владелец замка Шенонсо — глава траста, поставленного французам одну треть потребляемого ими шоколада. Амбуаз все еще принадлежит наследникам наших прежних королей. До чего же добра республика! Но будем говорить о самих замках. Так же как наши соборы и дворцы, они свидетельствуют о замечательном таланте французских зодчих, о мастерстве наших рабочих прошлых столетий...

Господин Председатель, взгляните на Турены! В этой провинции родился Рабле. Понсар и Бальзак, здесь говорят на самом чистом французском языке; это — сад Франции.

Тут я заметил, что внимание моего гостя привлечено невнятным ворчаньем, едва различимым в шуме приветственных возгласов и рукоплесканий. А это, сказал я, показывая на обочину, — подпольные людишки, которым ваш приезд пришлось не по вкусу. Здесь больше епископов и кардиналов, чем в аду у Данте. Есть тут несколько «социалистических» лидеров и всесильный сород наймитов, фанатиков и бесноватых «рыцарей» «холодной войны».

Чей мой гость смотрел уже в другую сторону. Я понял, что он, человек мира и дружбы, отвернулся от этих людей, погрязших в ненависти. Я поспешил заговорить о другом.

Вот Бордо, который предлжил вам отвезти его знаменитые вина. Вот Лакс с его современным оборудованием. Лакс — центр молодой нефтяной промышленности Франции. Это, конечно, отнюдь не Баку, и у меня нет времени, чтобы объяснить вам, почему французская нефть, которая могла бы, впрочем, вы это знаете лучше меня. Вот Марсель, его тысячелетний порт, его отважный и веселый народ. О, эта восторженность марсельцев! Стоит только подумать о ней, и на душе уже весело. Но было в Марселе и много другого, не столь веселого, сколь величественного и славного: забастовки докеров, забастовки металлургов, борьба марсельцев против лихонимства и воровства. Вы слышите, господин Председатель, могу же «внатыкать», доносясь со стороны улицы Канебер!

А вот и Лион, столица Сопротивления. В минувшем столетии лионские ткачи подняли восстание и начертали на своем знамени: «Жить работая — или умереть сражаясь!» Вот Дижон и

«Мир и красота неотделимы», — как бы говорят прекрасные площади и улицы Парижа.

УЗЫ ДРУЖБЫ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСАТЕЛИ О ВИЗИТЕ Н. С. ХРУЩЕВА

Вы хотите знать, что я думаю о поездке Никиты Хрущева во Францию. Мой ответ мог бы уместиться в одном слове: наконец-то! Да и как сказать что-нибудь другое, когда вспоминаешь, какие разнообразные узы связывают Советский Союз с Францией: узы культуры — от первых стихотворений Пушкина, написанных, как известно, на французском языке, до небылого увлечения русской литературой, охватившего Францию несколько позднее; узы крови, пролитой в двух мировых войнах; узы будущего, основа для которого заложена, с одной стороны, Парижской коммуной, с другой стороны, — Октябрьской революцией.

Можно ли ответить иначе, когда знаешь, что разогласил между нашими народами — всего-навсего плод усилья наших общих врагов, и единственное, что стоит между нами, — это интересы, чуждые нам?

Можно ли ответить иначе, когда вообще начинаешь размышлять или, даже не размышляя или о чем, просто любишь мир, ными словами, — жизнь?

В. ПОЗНЕР

Французы знают, что русский народ стал счастливым, могущественным и миролюбивым народом. Благодаря своему труду, под водительством мудрых руководителей, он выдвинулся далеко вперед и теперь шагает во главе народов всего мира. В лице Никиты Хрущева французы будут приветствовать ту необыкновенную национальную волю и решимость, благодаря которой Советский Союз менее чем за полвека стал образцом для всех новых и замечательным примером для старых народов, стал надеждой всего человечества.

ВЕРКОР

Из французского еженедельника «Авангард»

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ПРИЯТНЫЕ ВЕСТИ ИЗ «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»

Редакция получила письмо от Эрла Юбелла, научного редактора газеты «Нью-Йорк геральд трибюн». Г-н Юбелл огорчен нашим толкованием его отзыва об известной кинокартине «На берегу», напечатанного в «Нью-Йорк геральд трибюн».

В заметке «Грязная игра американских атомщиков», опубликованной в «Литературной газете» 7 января, сообщалось о недостоверных утверждениях США, в частности «отца водородной бомбы» — ученого-атомника Теллера и других, пытающихся оправдать возобновление испытаний термоядерного оружия. Между прочим, и статья Э. Юбелла, трагующая о том, что атомная война произойдет «не так, как показано в данной картине», рассматривалась нами как составная часть общей «атаки» американской прессы про-

тив фильма «На берегу», зовущего к предотвращению бедствия. Само название статьи «Правдивая картина «На берегу?»» и содержащийся в ней отрицательный ответ на этот вопрос вызывают чувство разочарования. Оно усиливается тем, что автор рецензии Эрл Юбелл не выразил протеста против угрозы атомной войны, против испытаний ядерного оружия, не поддержал идейные направления фильма, а ограничился научнообразными гипотезами: «так» или «не так» произойдет уничтожение человечества.

И тем не менее нас обрадовал новый отклик Эрла Юбелла. Как он пишет, смысл его высказывания сводился к тому, что атомно-водородная война была бы... «намою» более страшной, чем спокойная история, показанная на экране. Он признает, что фильм «На берегу» побуждает «мужчин и женщин поразмыс-

лить над этой проблемой, и может быть, даже вполне реалистически». Хотя этого ценного признания не было в статье, опубликованной «Нью-Йорк геральд трибюн», отрядно услышать его сейчас, хотя бы в личном письме г-на Юбелла «Литературной газете».

Как меняются времена! Еще совсем недавно «Нью-Йорк геральд трибюн» не проявила бы беспокойства о том, что ее подозревают в поддержке усилья огонетель поджигателей войны — атомщиков». Теперь один из ее редакторов спешит опровергнуть такие предположения. И хотя он не высказывается прямо (ни в своей статье, ни в письме к нам) в защиту идеи всеобщего разоружения, запрещения испытаний и производства бомб, его волнение радует. Мы с удовлетворением принимаем разьяснения г-на Юбелла.

Сегодня исполняется 60 лет со дня рождения выдающегося французского ученого-физика, лауреата Нобелевской премии за мир Фредерика Жолио-Кюри. В 1958 году во время пребывания Жолио-Кюри в Москве художник М. Брендашву удалось воплотить несколько зарисовок ученого. Один из этих набросков с авторграфом Жолио-Кюри мы публикуем в нашей газете.

Лион — героический центр французского Сопротивления.

КОНЕЧНО, это всего лишь сон. Ночью я оказался переодетым в синюю униформу. На моей сверкающей фуражке золотыми буквами написано: «Переводчик». О чудо! Я говорю по-русски, хотя не изучал этого языка! Я стоял во весь рост в открытом автомобиле, а рядом со мною, лукаво улыбаясь и раскланиваясь во все стороны, сидел необыкновенно реальный, необыкновенно живой человек, и народ приветствовал этого человека именно за его чувство реального, за верное ощущение жизни, за его хорошее, доброжелательное настроение, наконец, за его здравый смысл. То был отнюдь не какой-нибудь король, или великий, или бог, каких мы видим во сне или в еженедельных журналах. То был человек, настоящий человек...

Почтительно приподняв свою народную фуражку, я сказал:

Господин Председатель! Добро пожаловать в эту страну, которую так любит у вас на родине, в страну, где у рабочих за плечами два столетия индустриализации и четыре революции, где кустарь, сам того не подозревая, — истинный художник, где любой уличный мальчишка — двоюродный брат Гавроша. Вместе с тем эта страна, чья литература, живопись и музыка украсили всю новую историю длинной и непрерывной галереей шедевров. Страна, имеющая застарелые недостатки, которые она не любит признавать. Но есть у нее и вечные достоинства и добродетели. Анри Мартэн, довольно скудный историк, весьма далекий от ваших идей, как-то сказал, что француз, хорошо знающий историю своей страны, не стал отчаиваться и в горестные дни.

Господин Председатель Нового Мира! Добро пожаловать! Вот Орли! Великолепная автострада, проходящая прямо под взлетно-посадочной полосой, на которой приземлился ваш самолет, — шедевр французской техники, созданный нашими инженерами, нашими рабочими. То же могу сказать и о Танкардском мосте — самом длинном в Европе. Вы увидите и его. Между прочим, по случаю вашего приезда строителям дали день отдыха, и скажу вам по секрету, это сделано не столько из уважения к вам, сколько из стремления отдалить их от вас. Против лишнего свободного дня они, конечно, возражать не стали. Но вместе с товарищами они будут скандировать: «Да здравствует СССР! Да здравствует мир!»

Вы остановитесь на Ю д'Орсе, в здании нашего министерства иностранных дел. Как-то Людовик XIV принимал в Версале одного восточного посла. Король спросил у гостя, что его больше всего поражает в этом дворце. «То, что я нахожусь в нем», — ответил тот. Разве не столь же удивительно, господин Председатель, видеть здесь вас? Ведь мы помним: всего лишь несколько лет назад обитатели этого дома, едва услышав слова «Советский Союз», начинали буквально биться в истерику. Главным итогом вашего визита будет то, что он

(Юмчане. Начало на 3-й стр.)

Словом, Коля, давай тихо-мирно подведем черту. Одною хотят жить будущим, другие хотят жить настоящим.

Николай (шмыг, строгим тоном). Линия... Аллочка (не расслышав). Что?

Николай Так... слово.

Аллочка (по-прежнему). А Серaphimu ты не трогай... она смеющаяся... Верует, молится... Пробовала меня учить... но это не вышло. На том мы и поладили. Дружить крепко и на равных. (Говорит в сторону Николая.) И она меня не спасает. В душу не лезет. (Николай смеется.) Ну, чему ты, чему?

Николай Пусть Серaphима скажет.

Аллочка Серaphима, скажи.

Серaphима (серьезно). Ничего я и скажу. Но разговаривать с вами, сердешный друг, надо уметь. кое-что лишнее сказала. Жалею.

Аллочка. Про меня, конечно... о, господи! На улице Маркса в ателье пьяницы портреты рисуют, пойти срисовать, что ли... Может быть, я какакую-нибудь Мария Стюарт... (Без перехода.) Ты зачём в Ленинград?

Николай. Соскучился. Я там срок военной службы провел.

Аллочка. Может быть, девочка осталась?

Николай. Они к подполковникам были неравнодушны.

Аллочка. Вот бы нам познакомиться, когда ты был подполковник.

Николай. Мне пора.

Аллочка (вздох). Знаем мы, зачем ты в Ленинград едешь. Отец сказал. Не клеится ваш анимбл, И, пожалуй, без жестов Некрасов выразился. Правильно. А вы красавица с своим отцом полюбуете? Он ваш завод своими руками строил, а вы теперь его учите, как надо работать... мало того, вы еще учите его, как надо жить. Кто вы такие? Кто ты такой? Скажи.

Николай. Решила сорваться — сорваться. С отцом мы сами разберемся.

Аллочка. Не вылетит. Далеко зашло.

Николай (бояз запальчивости). Он культа хочет, привью... культа не будет.

Аллочка. Ты после этого негодил. Серaphима. Аллочка, человека оскорблять не надо.

Аллочка. Мой отец, если ты знать желаешь, из Кольки сделал заводского человека... о квалификации говорить не хочу. И этот негодил оскорбляет старика.

Серaphима (изумлена). Какого старика?! Хотела бы я быть такой старухой.

Николай. Аллочка, я способен простить тебе многие твои выходы, но этого простить не буду.

Аллочка. Чего этого?

Николай. Ты и отца против меня настроила... фронт сколачиваешь... Эх, ты. Совесть у тебя чем-то помянута. Маленькое с большим путается.

Аллочка. А я плевать хотела на твою «прощу» и «не прощуй».

Серaphима (только, почти ласково). И как вы переносите, Коля! Меня со стороны и то в дрожь бросает.

Входит Толя, за ним Вася.

Николай. Анастоль, тебе что?

Толя. Ты на поезд опоздаешь... вот что.

Николай. А он — кто?

Вася (шикарно). Он это — я, Василий Крякин. Вам это имя ничего не говорит? Видно, не пользуетесь такси... Короче, я способен превратить мой аппарат в ракету, но до отхода ленинградского восьмь с четвертью минут.

Николай (стремительно уходит и шепотом Серaphиме). Помни, что я сказал. Не отдам.

Все трое идут.

Аллочка (до дружки). Что он сказал? Серaphима, что он тебе сказал?

Серaphима. Хулиганское выражение.

Аллочка (напряженно, с болью). Ты врешь, он несособен. Он сказал что-то важное.

Серaphима (будто не слышит и говорит буднично, бесстрастно). Я тебе говорила: таких бояться надо. Вкрадчивый... под наивного работает... старо, как мир. А ты его и не волнуешь... Делаешь обеспеченная жена, домик, вот что его волнует... О господи, денек прошел, смеркается. Цветы сегодня остаются непоплатые. Отец что-то опаздывает. Полюба сама.

Аллочка (с ужасом). Как люди не любят друг друга?

Серaphима (как прежде). Святые слова. Я это всегда говорю тебе. Вот цветы... любви, молись. Недаром отец их разводил.

Аллочка. Они мертвые.

Серaphима. Нет, они живые.

Аллочка. Ну что ты мелешь... они же холодные, как земля. Они не знают нашей жизни. Я хочу живых цветов... (Жалоба.) Так мне мечталось прижать к груди живое сердце... Что такое со мной делается? Чувствую, что меня делают... Кто меня делит между собой, как поллитровку на двоих?

Серaphима. Никто тебя не делит... не надрываешь.

Аллочка (продолжает). Коленька... Бурятов... вкрадчивый... это точно. Серaphима, дай мне чегоньбу... а то я плакать буду.

Серaphима. Я отцу принесла... налить?

Аллочка (борясь и успокаиваясь). Не надо. С пяти лет отец призывал не хныкать. Пусть тебе же черта болыно... молчи. Закурим? Впрочем, ты же христианка. (Закуривая.) Ароматнее... Ужасивал бы, как другие... Пошли бы в ресторан... потанцевали... А то не пьет, не курит. Увлаться можно с этим режимом. Но че в этом дело.

Серaphима. Не любящий ты его — и все.

Аллочка. Я это чувство ногтями вытоптала. Конеч. Даю слово никогда не затеять этот безнадельный разговор. Ну и тоска.

Серaphима (озабоченно, строго). И не смей ты обострять с ним отношения. Пока он ходит в дом... будет смеяться, улыбаться. Но как только вы окончательно порвете... не простит. Обидные мстят, учти. Ох, эти слухом переловые мальчишки! Он поделает тебе политуку. На целине от него не скроешься.

Аллочка. Даю слово... ты права. Конеч, конеч. Пойдем в кино.

Серaphима. Не могу, родная... У нас в храме вечером будет заседание церковного совета.

Аллочка. Скажи, пожалуйста...

Серaphима. Демократия.

Входит Родим.

Аллочка (на его слова, которых не слышала). Что ты буркнул, папаша? Мы ничего не расслышали.

Родим (раздраженно, мрачно). Я не буркнул, а ясно сказал: «Добрый вечер».

Аллочка. Что с тобою? Я тебя давно таким не видела.

Родим. Спать пойду.

Серaphима (лукаво и насмешливо). Рановато. Птички еще спать не ложились. Чирякают.

Родим (с обычной в его тоне иронией). Птички... чирякают. Они кругом эти птички... и чирякают. Алка, купи отшу водки и прости за это поручение.

Я промотался... денег нет.

Аллочка. Серaphима для тебя купила.

Родим. Это зачем?

Аллочка. Я тебе удивляюсь.

Серaphима (как прежде). Женить вас хочу на себе, Григорий Григорьевич... наши родственные отношения это позволяют. Ишу спасибо понравится.

Аллочка. Серaphима, это пробно.

Родим. Не бойтаться... и так уж.

Серaphима (устроившись на столе, что нужно). Я тоже с вами стаканчик... во здравие.

Родим (философически). Критируется это в нашем обществе. «Не пей, человек». А он пьет. Почему? Постоянно. И те, которые требуют, до чрезвычайности уверены, что они человека пе-

релионли. Но переспонсывать надо ровно столько же, сколько воспитывать. Старую краску обирать гораздо труднее, чем новую положить. Но те, которые чирякают, они на это скажут: ошибочно рассуждаете, товарищ. Теперь, оказывается, тридцать лет не так работал, а ошибочно.

Аллочка (как от чего-то тяжелого). Отец, оставь эту тему.

Серaphима (весело). Пусть говорит.

Родим (с паузами, тяжело, меланхолично). Телевидение сегодня приезжало... Фонарей навезли, в це-хе не проити.

Аллочка. К кому приезжало? К ним?

Родим. А то к нам.

Аллочка. А Колька у нас сидел... ничего не сказал.

Родим (недружелюбно). Еще бы... он скромный.

Серaphима. А то... до ужаса.

Родим. Со мною старые рабочие стояли в стороне... разговаривали. Мне Егорушкин заметил: «Гриша, каким же мы с тобой трудом тридцать лет занимались, капиталистическим, что ли?.. Мы же делали то же самое, что они».

Аллочка. Я решила выставить Кольку из дому раз и навсегда. Надоело.

Родим. Напрасно.

Серaphима. Вас не поймешь.

Родим. Лучшего супруга Алке не найти.

Аллочка. Люблю отца, которые точно знают, какой муж нужен их дочери.

Родим (настойтельно, властно). Желал и желаю видеть Бурятова Николая зятем в доме.

Аллочка (с насмешкой). А я не возражаю. Пропиши в качестве своего зятя... Мне ничего не стоит в другом месте комнату снять.

Родим. Рекая ты стала, неузнаваемая...

Аллочка. Он говорит, что ты культа хочешь.

Родим. Какого культа?

Аллочка. Какого... личности.

Родим (усмехнувшись). Это по малолетству.

Серaphима. Вас не поймешь. А то говорили, что он вас оскорбил...

Родим. Ты думаешь, я никого не оскорблял? Ого. Характер тоже не приведи бог.

Серaphима (откровенное заискивание). Ликом хмур, речью отрывист, мыслями прям до страха, а сердце — детское.

Аллочка (пристально). Ты в самом деле отца на себе женить собираешься.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. И. БОЛДОВИТНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИН, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛДУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН